

Независимая газета

Раб на галерах

Судьба президента в России

2010-01-20 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Второй путинский срок прошел в гаданиях, действительно ли он намерен уйти, кого поставит вместо себя и что намерен делать дальше. В конце концов он «полуушел», став премьером и поставив вместо себя своего друга Медведева. И тут же начался новый период гаданий, который, вполне вероятно, продлится до 2012 года: уйдет ли он совсем, отдав власть Медведеву окончательно, или, согласно каким-то тайным договоренностям со своим преемником, вернется на пост президента. Периодически Путин напоминает, что второй вариант возможен.

В поведении Путина отражается обычная противоречивость чувств и стремлений человека, оказавшегося перед перспективой ухода с начальнического поста, но усиленная и модифицированная объективными противоречиями нашей политической системы и нашей культуры.

Амбивалентность чувств

С одной стороны, человек, долго пребывающий на трудной и нервной работе, не может не устать. Путин сам говорил, что восемь лет «работал, как раб на галерах», – и говорил искренне. Было видно, что он издерган, измотан и срывается. Нужно быть фанатиком-властолюбцем, чтобы после восьми лет президентства не пожелать отдохнуть. А Путин не фанатичный властолюбец. Он никогда не стремился к верховной власти, которая свалилась на него в результате выбора Ельцина и его «семьи». И в значительной мере воспринимал свою должность как «ответственное задание» по наведению порядка в стране (как этот порядок понимается им и как он понимается в нашей культуре). К этой усталости может добавляться – у умных начальников это иногда бывает – ощущение необходимости дать дорогу новому и не только самому отдохнуть, но и дать другим отдохнуть от себя. В том, что Путин избрал преемником не похожего на него Медведева, можно увидеть признаки такого понимания собственной истощенности.

Но даже если начальник устал и понимает, что его ресурсы исчерпаны, его отношение к перспективе ухода никогда не бывает просто радостным. У человека, длительное время пребывающего на высоком посту, не только накапливается усталость, но и возникает привычка к власти и почету. Уход может манить перспективой свободы, но не может не пугать перспективой пустоты и психологического стресса. Эта перспектива страшит даже очень старых начальников, а Путин еще не стар, впереди у него скорее всего большой кусок жизни, и чем его заполнить, уйдя из политики, – совершенно не понятно.

Этой естественной амбивалентности чувств уходящего начальника соответствует амбивалентность чувств подчиненных. С одной стороны, у

них накапливается раздражение и усталость от начальника, а его уход открывает карьерные перспективы. С другой – есть страх нового и неизвестного, страх потери должностей при его преемнике. Плачущая секретарша уходящего директора – почти обязательная часть ритуала. В традиционалистском обществе с высшей государственной должности монарха уйти вообще нельзя. Живой бывший царь – абсурд. В российской истории ни один правитель добровольно не оставлял власть. (Случай Ельцина слишком очевидно связан с его здоровьем, чтобы быть полноценным прецедентом.) Наоборот, в демократических странах президент, чья партия проиграла на выборах или кто отслужил срок, допустимый по Конституции, уходит автоматически. Все сложные комплексы чувств, связанные с этим уходом, – сугубо личное дело, на передачу власти не влияющее. И хотя уход для президента может быть печален, он не так уж страшен. Сложился даже своего рода институт бывших президентов и премьеров; общество находит пути занять их и скрасить им отставку. В нашей системе, возникшей в результате наложения демократической идеологии и правовых норм на традиционалистскую в своей основе политическую культуру, превратившую эти нормы в камуфляж персоналистской авторитарной власти, все сложнее.

Логика полуухода

Уход Путина с президентства соответствовал Конституции. Но вместе с тем он был добровольным актом – изменить Конституцию Путину ничего не стоило. И мотивы этого ухода были скорее всего «идеалистические» – для Путина очень важен европейский имидж России и его самого. Уход Путина был смелым поступком, и возможно, что за этот самый благородный поступок своего правления Путину придется заплатить. Но все же это был «полууход». Полный уход был бы сопряжен с громадными рисками и требовал бы безумной храбрости.

В системе, которую Путин принял из ельцинских рук, управление просто не могло осуществляться в рамках законности. Это не связано с особенностями личности правителя и с его мотивами. Это определяется природой системы, для которой имманентно противоречие правовой формы и персоналистского авторитарного содержания. В этом отношении президент у нас не отличается от губернатора, или олигарха, или любого другого представителя властной элиты, которым также трудно или даже невозможно работать «строго в рамках законности». Разница в том, что над губернатором, мэром, олигархом есть президент, а над президентом нет никого. Но это только до тех пор, пока он у власти. Не случайно Ельцин при уходе и как условие этого ухода потребовал иммунитета от преследований для себя и своей семьи. Спас его не столько иммунитет, сколько путинская лояльность и понимание того, что ушедший Ельцин проживет недолго и никому не страшен. Но Путину – который в расцвете сил и, даже полностью уйдя от власти, все равно будет несколько опасен, – может не помочь и иммунитет. Иммунитет может спасти от формальных преследований, но он не спасет от обсуждения в СМИ различных обстоятельств путинского правления, в котором правда будет перемешана с домыслами и вымыслами и которого вполне достаточно, чтобы превратить жизнь ушедшего президента и его близких в ад. Бесконтрольность и закрытость

власти всегда оборачивается тем, что затем ей обязательно будут приписывать не только ее реальные преступления, но и те, в которых она неповинна.

Тем более что раздражения на Путина накопилось много, а отношение к власти у нас – очень амбивалентно. Мы любим власть, которую боимся. Но как только страх исчезает, любовь легко переходит в месть тем, перед кем ты унижался и кого был вынужден любить. И сейчас только страх, что в 2012 году Путин может вернуться, спасает его от травли. Посылая сигналы о своем возможном возвращении, Путин сдерживает этот уже готовый прорваться поток обвинений.

Мертвая хватка системы

Но дело не только в Путине. Стремясь к управляемости системы, Путин назначил на множество ответственных постов (и, очевидно, способствовал обогащению) лиц, главное достоинство которых – послушность и личная преданность ему. И за каждым из них – шлейф сомнительных дел (опять-таки не потому, что они такие плохие, а потому, что в нашей системе не возникнуть такой шлейф не может). Для них окончательный уход Путина – вероятная катастрофа, и они будут делать все возможное, чтобы ее избежать. Нет сомнений, что сейчас многие говорят премьеру, что все держится на нем, что без него рухнет стабилизация и что его долг перед страной – не уходить, а в 2012 году вернуться и править еще шесть лет. Не прислушиваться к таким речам очень трудно. Тем более что говорящие, что все держится на Путине, в некотором роде правы.

Даже «полууход» Путина и причудливая ситуация тандема нанесли удар по нашим политическим привычкам, оживили политическую жизнь и явились небольшим, но реальным шагом по пути к новой, правовой системе.

Окончательный уход Путина нанес бы значительно более серьезный удар по реальной неформальной системе нашей власти и по глубоко укорененным стереотипам нашего авторитарно-монархического сознания. Верховная власть стала бы окончательно не пожизненной, а отсюда, с неизбежностью, в какой-то мере ограниченной и подконтрольной. Это еще далеко не демократия, но уже несомненное приближение к ней, к принципиально новой общественной системе и новому этапу развития. И кроме всех рациональных страхов путинских назначенцев перед перспективой его ухода (или, что одно и то же, – невозвращения) и у них, и у общества в целом есть и этот страх перед маячащим на горизонте новым миром, которого теоретически все хотят, но все боятся.

Демократический, правовой фасад нашей системы предполагал уход Путина. Но реальное авторитарное содержание этой системы и наша политическая культура делают его окончательный уход крайне опасным и для уходящего, и для элиты, и для системы. Отсюда – странные манипуляции Путина, причудливая ситуация тандема и намеки на возвращение.

Наша политическая система и наша политическая культура не только предполагают наличие общества, неспособного к самоорганизации, покорного своим правителям и любящего их (пока они правители, пока есть страх перед ними), и способствуют воспроизводству такого общества. Они и самих правителей хватают мертвой хваткой. Они действительно делают из

них «рабов на галерах». Рабы могут даже мечтать уйти с галер, но уйти не могут. Вне галер жизни для них уже нет. И галера без рабов не может. Галеру без привязанных к ней рабов придется перестраивать в совсем другой корабль.